
Е. Усиевич

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

В Цюрих я приехала 1 марта 1915 года, тотчас по освобождении из тюрьмы в Берлине, где сидела за . Но это другая, притом длинная история, и ее здесь рассказывать не стоит. Она имеет лишь очень косвенное отношение к тому, к чему я здесь с волнением и робостью хочу вернуться в воспоминаниях.

Да, с робостью. Потому что — боже мой! — какими крохами могу поделиться я с читателем. Но речь идет о Ленине, о некоторых эпизодах из его жизни, которым почти не осталось живых свидетелей, и я решаюсь рассказать то немногое, что я о нем знаю. Ведь каждая деталь, каждая мелкая подробность его жизни, каждый штрих есть драгоценное достояние истории.

* * *

Впервые я увидела Владимира Ильича Ленина в фойе Цюрихского оперного театра, на представлении вагнеровской «Валькирии». Меня тут же и познакомил с ним Владислав Германович Краевский, член Польской социал-демократической партии, профессиональный революционер. Краевский был большой поклонник Вагнера. Последнего в то время среди знатоков музыки было принято бранить, и меня поразили тот серьезный и уважительный интерес, с которым Ленин, страстно любивший Бетховена, разговаривал с Краевским о произведениях Вагнера, расспрашивал его о некоторых особенностях творчества этого композитора.

После этого я несколько раз слышала выступления Владимира Ильича на собраниях, выступления, которые совершенно меня захватили. Познакомилась и с

Надеждой Константиновной Крупской, с которой мне довелось работать в Союзе помощи заключенным

Но вот в 1916 году в Цюрих из австрийской крепости Куфштейн прибыл член партии с 1908 года Григорий Александрович Усиевич, с которым мы быстро сдружились. Гриша Усиевич, как его многие называли, несмотря на свой молодой возраст (ему уже в Цюрихе исполнилось 26 лет), был закаленным большевиком, членом Питерского комитета партии, судился, сидел и был сослан в Сибирь, бежал оттуда перед самой мировой войной и угодил в австрийскую крепость. Как говорится, из огня да в полымя.

Владимир Ильич заинтересовался Усиевичем, которого знал по некоторым опубликованным работам, и скоро очень привязался к нему; через Усиевича ближе познакомилась с Владимиром Ильичем и я. Начались долгие прогулки вдоль Цюрихского озера с длинными беседами, преимущественно, конечно, на политические темы.

В этот период знакомства мне приходилось бывать на квартире Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Мы все в то время жили очень скромно, чрезвычайно скромно, заработки были редки и ничтожны, приходилось считать каждую копейку. Однако скромность жизни Владимира Ильича и Надежды Константиновны поражала даже нас, выделялась даже на фоне нашего скромного существования. Мы, по крайней мере, жили в новых районах города, где было много зелени, садов. Жили, правда, в мансардах, но это были чистенькие, уютные мансарды, с цветами в ящиках на подоконниках, с чистым воздухом. А Владимир Ильич, чтобы не терять ни минуты времени, искал квартиру поближе к городской библиотеке-читальне, а она помещалась в старом городе с узкими, лишенными зелени улицами, душными и темными.

В комнате, которую они с Надеждой Константиновной снимали в семье рабочего, поддерживалась безупречная чистота. Но меблировка была до того скудна, что комната напоминала тюремную камеру. Две узкие кровати, простой стол, ни кушетки, ни даже какого-нибудь кресла. Питались Владимир Ильич с Надеждой Константиновной тоже чрезвычайно скудно. Дешевый обед в эмигрантской столовой, утром и вечером — чай с какой-нибудь недорогой колбасой.

Это была жизнь аскета. А между тем ничто не было так чуждо характеру Владимира Ильича, как аскетизм. Он был крепкий, веселый и жизнерадостный человек, страстно любящий жизнь. Ильич был чрезвычайно общителен, полон живого интереса к людям, впечатлителен и, я бы сказала, даже смешлив. Во всяком случае, смеялся он часто и заразительно. Иной раз мне в то время даже и понять было трудно, что кажется Ильичу таким невыразимо комичным в выступлении того или иного меньшевика или другого «научного марксиста», как пышно именовали себя всяческие оппортунисты и ревизионисты. А между тем Владимир Ильич смеялся от всей души, как-то по-детски самозабвенно, откинув голову, и иногда даже хлопал себя по затылку, слушая иного путаника.

Читал Владимир Ильич чрезвычайно много, можно бы даже сказать неправдоподобно много, если не знать одну особенность чтения Ленина. Когда я впервые увидела, как читает Владимир Ильич, мне показалось, что он просто перелистывает книгу, поверхностно просматривая ее содержание. Но потом он заговорил об этой книге, и оказалось, что он досконально освоил, прямо-таки проштудировал прочитанное. Мне это показалось чудом. Но впоследствии я узнала, что Ильичу свойственно так называемое «партитурное чтение»: в то время как обычный читатель охватывает зрением одну-две строки, в лучшем случае целое предложение, при партитурном чтении в поле зрения читающего попадает сразу полстраницы, а то и страница.

Впоследствии мне случалось, хотя и очень редко, встречать людей, наделенных такой особенностью зрения. У них уже через час-два чтения обычно начиналась невыносимая головная боль. Мозг не в состоянии был переработать того, что передавало ему зрение. Нужен был мощный воспринимающий аппарат Ильича, чтобы сразу усваивать и перерабатывать таким образом прочитанное.

Конечно, когда литератор говорит о том, как читал Ильич, то от него ждут рассказа о том, что читал в то время Ленин из художественной литературы, что говорил о прочитанном. Но вот как раз тут я и не могу поделиться ничем толковым. Прямых разговоров Ленина о художественной литературе я не слышала, хотя из множества отдельных словечек, цитат, шуток видела,

что он ее прекрасно знает и любит. Его упоминания о литературе, о музыке, живописи были всегда чрезвычайно осторожны, скромны, он не считал себя специалистом в этой области. А между тем его тонкий вкус во всех областях искусства, полное соответствие литературных взглядов его общему мировоззрению, сам метод его подхода к искусству делали его мнение неизмеримо более ценным, основополагающим, нежели мнение других, даже наиболее компетентных в этой области марксистов, как, скажем, Г. В. Плеханов или А. В. Луначарский, человек огромного таланта и прямо-таки энциклопедической образованности. Что уж говорить о других.

* * *

Осенью 1916 года нам с Григорием Александровичем пришлось уехать из Цюриха в Кларан. Кларан — это модный курорт на берегу Женевского озера. Там находилась знаменитая русская библиотека Н. А. Рубакина, в которую он пригласил нас работать.

Разумеется, жить в самом Кларане нам было не по средствам, мы поселились высоко над ним, в настоящем орлином гнезде, на высокой горе. Балкон домика, где мы жили, висел высоко над поросшим виноградником склоном горы, спускающейся к озеру, за которым сияли снежные вершины Дандю Миди. С другой стороны из окна нашей квартирки виднелся расположенный на другой горе старинный замок Шателляр. В Кларане жила Инесса Арманд, в трех четвертях часа ходьбы в Сен-Лежье под Веве, — Анатолий Васильевич Луначарский, в Божии — Александр Антонович Трояновский.

Теплая, многоснежная швейцарская зима оканчивалась. Как-то раз, под вечер, когда в зеркальные окна библиотеки Рубакина виднелись горящие на темнеющем небе, как раскаленные угли, верхушки Альп и все комнаты наполнились их розоватыми отблесками, из кабинета Николая Александровича Рубакина раздался его полузадушенный голос: «Все ко мне!» Мы кинулись, не зная, что подумать.

Лежа в кресле, прерываемым от волнения голосом он сообщил, что из Лозанны ему позвонили по телефону о революции в России, об отречении Николая

Романова, о том, что народ вышел на улицы, создано Временное правительство

В этот вечер мы долго не могли разойтись по домам, а вернувшись домой — уснуть. Свершилось то, ради чего жил, боролся и погибал цвет нескольких поколений в России. И вот в такой-то момент нет в России Владимира Ильича Ленина — единственного, кто (в этом мы прекрасно отдавали себе отчет) мог повести восставшие массы по правильному пути. В Советах верховодили соглашатели. Власть явно попала в руки буржуазии, ловко укрывавшейся за фигурой позирующего на первом плане «министра революционной театральности», как окрестил Керенского Ленин после первых же сообщений из России.

Потянулись недели мучительных метаний в поисках выхода. Мы знали, что каждый день из Франции, из Скандинавии и других стран уезжали в Россию меньшевики, эсеры и прочие социал-оборонцы, стоявшие за «войну до победного конца», за поддержку в войне отечественной империалистической буржуазии. Но нам пути в Россию не было. Англия и Франция, через которые надо было бы кружным путем ехать, разумеется, были прямо заинтересованы в том, чтобы Ленин и большевики, позиции которых им были хорошо известны, не попали в Россию. Прямо заинтересовано в том, чтобы не впустить нас в Россию, было и Временное правительство.

Вскоре нам стало известно о разосланной министерством Временного правительства своим посольствам за границей циркулярной телеграмме:

«При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадежности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашей телеграммы».

Разумеется, свидетельствовать перед капиталистами «военную благонадежность» тех, кто призывал народ не воевать за их интересы, никто из «достойных» не рвался, да об этом никто из большевиков и просить бы не стал. И уж конечно Ленин был явно «военно неблагонадежен». Приходилось искать какого-то другого пути, минуя страны Антанты. Но где он был, этот путь?

В воспоминаниях Надежды Константиновны Крупской подробно рассказано, как метался в поисках вы-

хода Ленин, до каких проектов он не доходил, вплоть до предположения проехать через Германию под видом «глухонемого шведа». Конечно, этот полушутливый проект был просто плодом безнадежности и многих бессонных ночей. Но ясно было одно. Иного пути, как путь через Германию, не было. Однако как проехать через эту, воюющую с Россией страну так, чтобы не дать возможности ни по ту, ни по другую сторону фронта заподозрить нас в сочувствии германской воюющей группе? И вот начались переговоры, которые нам казались бесконечными

Ежедневно по окончании рабочего дня мы заходили пить чай к Инессе или захватывали ее на чай в свое орлиное гнездо и обменивались сведениями, новостями о том, как подвигаются переговоры, которые вел по уполномочию Ленина революционный швейцарский социал-демократ Фридрих Платтен, депутат швейцарского парламента, с германским посольством о проезде через Германию русских эмигрантов

Разумеется, Владимир Ильич отдавал себе отчет в том, какой вой поднимут буржуазия и ее подпевалы из меньшевиков и эсеров, как они будут пытаться использовать проезд большевиков через Германию, чтобы ввести в заблуждение и оттолкнуть от них массы

Поэтому все переговоры велись с максимальной открытостью, публично, с максимальным привлечением внимания всех интернационалистски настроенных заграничных слоев. Таким образом, свой проезд через Германию Ленин согласовал с рядом западных интернационалистов, которые вынесли по этому вопросу следующее решение.

«Нижеподписавшиеся осведомлены о затруднениях, чинимых правительствами Антанты к отъезду русских интернационалистов и о тех условиях, какие приняты германским правительством для проезда их через Германию. Они отдают себе полный отчет в том, что германское правительство разрешает проезд русских интернационалистов только для того, чтобы тем самым усилить в России движение против войны. Нижеподписавшиеся заявляют.

Русские интернационалисты, во все время войны неустанно и всеми силами боровшиеся против всех империализмов, и в особенности против гер-

манского, возвращаются в Россию, чтобы работать на пользу революции, этим своим действием они помогут пролетариату всех стран, и в частности пролетариату Германии и Австрии, начать свою борьбу против своего правительства. Пример, подаваемый героической борьбой русского пролетариата, является лучшим и сильнейшим стимулом к подобной борьбе. Из всех этих соображений нижеподписавшиеся интернационалисты Швейцарии, Франции, Германии, Польши, Швеции и Норвегии находят, что их русские товарищи не только вправе, но даже обязаны использовать предлагаемую им возможность возвращения в Россию».

Такая документация предстоящего путешествия была совершенно необходима, как мы уже говорили. Однако такого рода публичность требовала времени, и шли неделя за неделей. А у Владимира Ильича, как и у нас, земля так и горела под ногами. Наконец, было выработано соглашение с германскими представителями, по которому

1) пропуск давался всем эмигрантам, независимо от их отношения к войне,

2) вагон эмигрантов не подвергался обыску, контролю или проверке,

3) эмигранты по прибытии в Россию обязуются агитировать за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских военнопленных.

И вот в один прекрасный день, когда я была одна дома, на лестнице послышались торопливые шаги мужа, перескакивающего сразу через три ступеньки

— Собирайся, через полтора часа выезжаем в Берн, Ильич уже там. Завтра едем в Россию.

На станции Кларан мы встретились с Инессой и к вечеру очутились в гостинице бернского Фольксхауза — Народного дома. Владимир Ильич с Надеждой Константиновной были уже здесь. Собрались и другие товарищи, съехавшиеся из Цюриха, Лозанны, Женевы, из всех уголков Швейцарии. Шли последние совещания перед поездкой, составлялись еще какие-то документы — насколько мне память не изменяет, обращение к швейцарским рабочим, еще что-то.

Кроме того, все мы, едущие, должны были поставить свои подписи под следующим документом

«Я подтверждаю:

1) что переговоры, которые велись Платтенем с германским посольством, мне сообщены,

2) что я подчиняюсь всем распоряжениям руководителя поездки — Платтена,

3) что мне известно сообщение «Пти паризьен» о том, что русское Временное правительство проезжающих через Германию угрожает объявить государственными изменниками,

4) что всю политическую ответственность за эту поездку я беру исключительно на себя,

5) что мне поездка моя гарантирована Платтенем только до Стокгольма».

Все это продолжалось до поздней ночи. А рано утром мы сели в предоставленный нам вагон «микст», то есть наполовину жесткий, наполовину мягкий, в котором нам предстояло ехать до Швеции, где уже можно было следовать в обычном порядке. Мы сели в этот пресловутый вагон, о котором было создано столько легенд, в частности смешная побасенка о «запломбированном вагоне», в коем якобы были ввезены в Россию Ленин и сопровождающие его большевики. Единственным «основанием» для такой легенды послужило то обстоятельство, что, по договоренности Платтена с германским посольством, при проезде через Германию никто из немцев не имел права входить в наш вагон, равно как и мы обязывались не выходить из него. Таким образом, мы ехали на основах полной экстерриториальности. Вагон, в котором мы следовали, считался как бы клочком швейцарской территории. Насколько я помню, даже обслуживающего персонала, даже проводника при вагоне не было.

Подойдя к швейцарско-германской границе, наш поезд остановился на совсем пустынной станции — ни других поездов, ни публики. Наш вагон отцепили, чтобы прицепить его к другому поезду, но прежде была проделана церемония приема нас, заключающаяся в том, что каждый из нас выходил с задней площадки вагона, держа в руках клочок бумаги с начертанным на нем порядковым номером: первый, второй, третий — и так все тридцать. Показав этот клочок, мы входили в свой вагон с передней площадки. Никаких документов никто не спрашивал, никаких вопросов не задавал. Этим вся церемония и ограничилась.

Правда, немецкие власти, желая, очевидно, показать едущим в Россию русским, что к концу третьего года войны у них еще есть неисчерпаемые запасы продовольствия, распорядились, чтобы нам подан был ужин. Худенькие, изжелта-бледные, прямо-таки прозрачные девушки в кружевных наколках и передничках разносили на тарелках огромные свиные отбивные с картофельным салатом. Но ведь мы знали из газет и из сообщений изредка приезжавших в Швейцарию из Германии людей, как голодает немецкий народ, до какой степени физического истощения он доведен. Да и достаточно было взглянуть на дрожащие от голода руки девушек, протягивающих нам тарелки, на то, как они старательно отводили глаза от еды, на их страдальческие лица, чтобы убедиться, что давно уж в Германии не видят ничего подобного. Запас провизии мы забрали с собой из Швейцарии на несколько дней. И мы совали в руки официанткам нетронутые тарелки с кушаньем. Пусть бедняжки хоть раз поедят досыта, пусть хоть раз уснут не на голодный желудок.

Все сношения с германскими железнодорожными властями велись через Платтена.

На больших станциях поезд наш останавливался преимущественно по ночам. Днем полиция отгоняла публику подальше, не давая ей подходить к вагону. Но поодаль народ все же собирался группами и днем, и даже по ночам и жадно смотрел на наш вагон. Нам махали издали руками, показывая обложки юмористических журналов с изображением свергнутого царя. Очевидно, эти истощенные до предела люди с землистыми лицами, а таковы были в то время все виденные нами немцы, связывали с проездом через их страну русских революционеров затаенные надежды на скорый конец ужасающей бойни, на мир и отдых от непосильного трехлетнего напряжения.

Вот то немногое, что мы видели сквозь окна нашего «микста». В вагоне шла своя жизнь. Владимир Ильич большей частью сидел один или с кем-нибудь из более близких товарищей в своем купе, обсуждая план действий в России или читая, обдумывая предстоящие статьи и выступления. Мы по своим купе тоже обсуждали положение в России, гадали, как нас встретят, вели бесконечные споры о том, решится ли Временное правительство арестовать нас. Но большинство было на-

строено оптимистически Рабочие не допустят ареста!

Иногда кто-нибудь вдруг пускался в ребяческие шалости, не лишенные, впрочем, некоторой дозы яда. Так, один из товарищей, учитывая некоторую склонность к революционной романтике многих из нас и нашу привязанность к Фрицу Платтену, такому надежному, верному товарищу, такому заботливому другу *, вдруг пустил по рукам «документ», в котором говорилось, что так как есть опасность, что Фридрих Платтен не будет впущен в Россию, то, мол, в этом случае нижеподписавшийся обязуется также не въезжать до тех пор, пока не впустят Платтена. Мы читали этот «документ» один за другим и, не рассуждая (какие могут быть рассуждения, когда речь идет о благородном акте солидарности), подписывали. Уже с несколькими подписями документ дошел наконец до Владимира Ильича. Едва бросив на него взгляд, он спокойно спросил: «Какой идиот это писал?» И тут только мы, без всяких дальнейших объяснений, поняли, до чего это было глупо: ведь Временное правительство не то, что не приглашало нас в Россию, а делало все, чтобы помешать нам туда попасть, а мы вдруг сделаем ему такой приятный сюрприз, что сами откажемся!

Иногда мы вдруг собирались по несколько человек, у кого голоса были получше и слух не слишком подводил, и шли в купе Владимира Ильича — «давать серенаду Ильичу». Для начала мы пели обычно «Скажи, о чем задумался, скажи, наш атаман». Ильич любил хоровое пение, и нас не всегда просили удалиться. Иногда он выходил к нам в коридор, и начиналось пение всех подряд любимых песен Ильича: «Нас венчали не в церкви», «Не плачьте над трупами павших бойцов» и так далее.

И снова и снова мне приходилось удивляться той необычайной простоте, скромности и естественности поведения, которые отличали Владимира Ильича. Никогда мне не приходилось видеть человека, до того естественного и простого в каждом своем слове, в каждом движении. Сам он, казалось, совершенно не чувствовал своей исключительности, не то чтобы дать ее

---

* Наша всеобщая любовь и доверие к Платтену были впоследствии вполне оправданы жизнью. 1 (14) января 1918 года Платтен прикрыл Ленина от пули стрелявшего вслед машине террориста. И сам уцелел лишь благодаря счастливой случайности.

почувствовать другим Мы же знали, с каким необыкновенным человеком имеем дело, знали, что такие рождаются не каждое столетие Понимали, что сопутствуем человеку, который призван стать во главе восставшего народа И все-таки никто не чувствовал себя подавленным его личностью, даже смущения перед ним не испытывал Он внушал лишь беспредельную любовь, с ним было радостно и счастливо. Человек чувствовал себя способным на гораздо большее, чем был способен до знакомства с ним, а главное, и сам становился проще, естественней

Рисовка в присутствии Ильича была невозможна Он не то чтобы обрывал человека или высмеивал его, а просто как-то сразу переставал тебя видеть, слышать, ты точно выпадал из поля его зрения, как только переставал говорить о том, что тебя действительно интересовало, а начинал позировать. И именно потому, что в его присутствии сам человек становился лучше и естественней, было так свободно и радостно с ним.

Впрочем, должна сказать, что был такой единственный момент в моей жизни, когда мне от присутствия Владимира Ильича не только не стало радостно, а даже наоборот Дело было так В вагоне, где мы ехали, не доставало нескольких спальных мест и приходилось спать по очереди И вот однажды, когда я в мою очередь бдения весело болтала с товарищами в коридоре, из своего купе вдруг вышел Ильич и потребовал, чтобы я шла спать, так как теперь-де его очередь бодрствовать И тут уж никакие протесты, никакие мольбы и уговоры не помогли Ильич не ушел. Разумеется, не пошла ложиться на его место и я Однако и сидя в коридоре, я чувствовала себя достаточно смущенной

* * *

Так прошло трехдневное путешествие по Германии Но для нас эта дорога оказалась самой легкой ее частью, и именно потому, что в наш вагон никто не входил, сами мы не выходили и, таким образом, ни с кем посторонним не сталкивались

Дело в том, что путешествие наше вызывало повышенный интерес в прессе и воюющих, и нейтральных стран И вот, чтобы избежать всяческих кривотолков,

пересудов и газетных уток, было решено, что никто из нас, едущих, ни в какие объяснения с репортерами, корреспондентами, интервьюерами и прочее не вдается, ни на какие вопросы не отвечает. Все необходимые сведения о нашей поездке и дальнейших намерениях, все интервью дает один Владимир Ильич.

Во время путешествия по Германии не было ничего легче, как соблюдать это условие. Мы чувствовали себя свободно, как в одной из наших швейцарских квартирок. Но вот в Заснице наш поезд въехал в трюм огромного парома, сами мы разместились по каютам и после четырехчасового путешествия очутились в шведском городе Мальмё, откуда уже в шведском вагоне направлялись в Стокгольм. И тут началось. Уже с раннего утра в наш вагон стали ломиться репортеры. Они врывались в двери вагона, вскакивали в окна. На каждого из нас набрасывалось по двое, по трое.

Строго выполняя решение не отвечать ни на какие вопросы, мы не говорили даже «да» и «нет», а лишь мотали головами и тыкали пальцами в направлении Ильича. Полагая, что мы не понимаем вопросов, представители прессы пытались заговаривать с нами на французском, немецком, английском, даже на итальянском языках. Нашлись, наконец, и такие, которые, справляясь со словарем, задавали вопросы на русском или польском языках. Мы мотали головами и тыкали пальцами в Ильича. Боюсь, что у западной прессы создалось впечатление, будто знаменитый Ленин путешествует в сопровождении глухонемых.

Нет, право, это был нелегкий путь. Наконец, поезд прибыл в Стокгольм. Здесь Ленина встретил мэр города, левый социал-демократ, и несколько его товарищей, и в сопровождении их мы отправились в расположенную неподалеку довольно комфортабельную гостиницу. По дороге наше шествие с обоих тротуаров обстреливали фоторепортеры. Приученные годами к конспирации да к тому же памятуя о заметке в «Пти паризьен», где нам угрожали расправой, как с государственными изменниками, мы, как могли, отворачивались от объективов, и в результате в печати появилось, насколько мне известно, не очень много снимков, да и на тех мало кого можно было узнать.

Мы немного отдохнули, те, кто уж очень обносился за годы скитаний, купили кое-что в магазинах, а вече-

ром мы двинулись в дальнейший путь, теперь уже прямо к русской границе.

Ранним морозным утром мы высадились в маленьком рыбацьем городке Хапаранда и через несколько минут столпились на крылечке небольшого домика, где за гроши можно было получить чашку черного кофе, бутерброд. Но нам было не до еды. Перед нами простирался замерзший еще в это время года залив, а за ним — за ним территория России, город Торнео и развевающийся на здании вокзала красный флаг. Да, вот он свободно и весело развевается в стране, где пролилось за него столько крови. Мы молчали от волнения, устремив на него глаза. Конечно, впереди еще борьба, еще много жертв, много всего, но все же вот оно развевается, красное знамя, сзывая борцов Россия, с которой мы столько времени разлучены, Россия, куда так мучительно рвались.

К крылечку подъехало десятка полтора саней с впряженными в них маленькими мохнатыми лошадками. Мы стали попарно рассаживаться, чтобы переехать через залив. Я вдруг вспомнила, что в чемодане у меня лежит маленький красный платочек с вышитым серебром на уголке названием швейцарской деревни Шампрегу. Я достала его, привязала к взятой у мужа альпийской палке и сидела в санях, не сводя глаз с красного флага над вокзалом в Торнео и сжимая в руках свое самодельное знамя. В это время сани Владимира Ильича объезжали наши, чтобы стать впереди процессии. Владимир Ильич, не глядя, протянул руку, я вложила в нее свой флаг. Все сани сразу тронулись. Владимир Ильич высоко поднял над головой красный флаг, и через несколько минут, со звоном бубенчиков, с поднятым над головой Ленина маленьким флажком, мы въехали на русскую территорию.

На перроне в Торнео каждого из нас окружила толпа рабочих, солдат, матросов, посыпались вопросы, ответы, разъяснения. С первой минуты начался горячий, живой разговор «Смотрите, дорвались!» — сказала мне Надежда Константиновна, кивая на нескольких наших особенно горячих агитаторов, казалось забывших о том, что надо ехать дальше, отдаваясь счастьем общения с революционной массой.

Дальше мы ехали, как в счастливом сне. В Белострове рабочие прямо из вагона вынесли на руках

Владимира Ильича к импровизированной трибуне Митинг продолжался и в вагоне, где народ толпился около каждого из нас.

В Петроград мы приехали поздно ночью. На перроне был выстроен почетный караул матросов. Это ошеломило. Этому мы себе как-то не представляли. Ведь впервые войска организованно перешли на сторону народа, этого мы еще не видели никогда. Не помню, кто проводил Владимира Ильича и нас вслед за ним в царские комнаты Финляндского вокзала. Но там он, словно на неожиданную помеху, натолкнулся на пришедшего скрепя сердце встречать его одного из лидеров меньшевиков — Чхеидзе, который тотчас начал свою «ответственную речь», сводившуюся, в сущности, к кисло-сладким комплиментам и назиданиям о том, что не должно нарушать «единство революционной нации», «омрачать ликование бескровной революции», и прочее в этом роде. Ильич не только не отвечал на это, он даже и не дослушал, кинувшись к группе рабочих, стоявших где-то позади Чхеидзе. Мгновение спустя, толпа уже вынесла его на броневик на площади, и под темным низким небом Петрограда зазвучала речь Ленина.

Прямо оттуда — во дворец Кшесинской, где, несмотря на то, что было уже около трех часов ночи, собрались питерские рабочие-большевики. Толпа стояла и под окнами дворца. И снова выступление Ленина перед замершей в напряженном внимании толпой.

А выйдя утром на улицу, мы увидели и приветствие буржуазии: стены главных улиц Питера были оклеены плакатами: «Ленина и компанию — обратно в Германию». Но, как говорится, «сие от нее не зависело». Питерский пролетариат сказал свое слово достаточно громко и внушительно.

Несколько дней спустя почти все мы разъехались по разным городам России, неся в массы ленинские идеи, призывая превращать войну империалистическую в войну гражданскую, выбивать власть из рук захватившей ее буржуазии. Мы с Г. Усиевичем уехали в Москву, где и встретили Октябрьскую революцию.

Впоследствии, уже после гибели моего мужа от рук белогвардейцев, мне еще не раз случалось видеть Владимира Ильича — на площадях Москвы и у него на квартире. И при этих встречах мне бросался в глаза все тот же скромный до бедности образ жизни человека,

которому страна с радостью дала бы все, что у нее было самого лучшего и что он упорно отвергал, пока голодали миллионы рабочих и крестьян. Обо всем этом лучше и больше могут рассказать другие, те, кто в то время стоял несравненно ближе к нему, лучше знал все это. Я старалась говорить лишь о том, чему уже почти не осталось живых свидетелей, могущих рассказать об этом лучше.

*Впервые опубликовано
в журнале «Новое Время»
1958 № 16. С 3—8*